

Слова замыкают круг

Хаос был повсеместным. Он зверем голодным дичал,
если верить святым письменам и забытым преданиям.

Было Слово в начале. И стало началом начал.

А пространство и время явились потом, с опозданием.

А затем было время сражений и круглых столов,
говорились слова, и в момент становились вчерашними.
Как же много их было, великих бессмысленных слов,
украшавших наш сумрачный мир вавилонскими башнями!

Жаль, экзамены жизни не сдаст на «четыре» и «пять»

человечество. Тихо вздохнёт и покинет владения.

Слово будет в конце. Всё на круги вернется опять,
отодвинув слегка дату смерти от даты рождения.

Как в рассказе О. Генри — недвижно, забыв про весну,
на рисованных чёрных деревьях — последние листики...

Слово будет в конце — и бесстрастно уйдет в тишину,
открывая страницу в науке апокалингвистике.

Памяти Катастрофы

Слова уже не в силах жечь, но в силах спамить;
их высох клей, соединяющий века.
Невыразима генетическая память,
связывая в узел цепь молекул ДНК.
И этих слов никчемней нет и неуместней,
и зря бумагу исцарапало стило...
Но как же я, согласно тексту старой песни,
вдруг вспомнил то, что быть со мною не могло?
И этот жар так рвётся ввысь, не зная тленья,
так полыхает, заменив собой маяк,
что впал я вновь в атеистическое племя,
как Волга в Каспий, как в неистовство маньяк.
Где твой был Б-г? Где наш был Б-г — ответь мне, ребе —
ровняя жребием и жертв, и палачей,
когда, как вены, выделялись в польском небе
прожилки дыма из освенцимских печей?
Нам ход времён не развернуть уже обратно,
но сквозь бетон
цветком, не знающим щедрот,
всему назло растёт убитый многократно
и неизменно воскресающий народ.

Межсезонное

Состав застрял, где нет ни тьмы, ни света.
Солнечный воздух, ранних звёзд драже...
Весна в дороге заблудилась где-то,
хотя зима закончилась уже.
Свистун-сквозняк, незанятые ниши,
вопросы — позади и впереди...
Приказ: «Замри!» был отдан кем-то свыше
так сухо, что ослушайся поди.
И нет дверей. Ни выхода, ни входа,
лишь чьи-то тени строятся в каре...
Есть времена меж временами года,
где жизнь застыла мухой в янтаре.
Там и стоишь — безликий, посторонний, —
а в мире то ли минус, то ли плюс...
И вечер на альтовом саксофоне
играет надоевший нелюблюз.

Подделка

Формулировать чётко — уста устали,
ржавеют клеммы.

Оттого-то и прячешь под слой вуали
оттенки темы.

Много в правде ли толку? Она жестока
и неприятна —

вот и ходишь с оглядкой вокруг да око
ло и обратно.

И слова разлетаются, рыбьи стайки —
пусты, песочны...

Вот твой стиль: чай зелёный, халат из байки.
Хитрец восточный.

И врагов никаких, и живётся бодро:
ни зла, ни сечи...

До чего ж ты прекрасна и крутобёдра,
фигура речи.

Всё, что скажешь, сгодится потом, на вырост;
подделка, страха...

И живи себе дальше — простой, как вирус.
Пустой, как фраза.

Цензор

Говорят: будьте честными! Здесь — всё зависит от знака.

Этот знак не волнует порой моралистов досужих.

Я порой что-то вижу, но всё же молчу, как собака.

Ибо если скажу — это будет значительно хуже,
ибо если скажу — вдруг на это обидится некто

тот, кто мне — лично мне! — совершиенно не делал плохого?

А такою ценой мне не нужно взрывного эффекта.

Я и так убежден в разрушительной сущности слова.

Все предметы расставит по полкам дотошное времяя,
допоёт до конца свой акынов, медлительный мелос...

Очень хочется жить, избежав aberrации зренья;
видеть всё так, как есть, а не так, как, возможно, хотелось.

Так что если подводит кристальная оптика Цейсса,
и условности давят на мозг, как объятия спрута,
лишь начнёт задушевную проповедь Гай Юлий Цензор —
шлю на «мокрое» дело к нему Марка Юния Брута.

Страх

Страх порою конкретен: когтист или мохноног,
не спрячешься где-то — и дело, считай, с концом.
Но часто страх — другой, не выверяющий гранки;
он выжидает тарантулом, взобравшимся на щеку,
как девочка из японского фильма «Звонок»
со страшным пустым лицом,
вылезающая из телерамки
к смотрящему.

Враг в целом понятен. Он вечно плохой или злой,
он часто весь в язвах и щерится редкозубием,
и столь же гуманен, сколь был бы гуманен дрон
из инопланетной системы,
за нами привязчиво следя с бензопилой.
Символ законченного безумия,
он ближе и ближе, а с трёх остальных сторон
стены да стены.

Ты негодный товар, оттого подлежишь возврату
в первородный бульон, в тёмный хаос, на стол прозектора.
Словно муха, в смолу попавшая, стекленей
до необратимых температур, до пустого остова...
Хоть зови к себе Нормана Бейтса и Носферату
или сны смотри по сценариям доктора Лектера —
это чушь. Ибо нет ничего страшней
беспросветного одиночества
стариковского.